

О.Пьер Тейяр де Шарден

ХРИСТОС В МАТЕРИИ

МЕССА НАД МИРОМ

(пер. с французского и предисловие В. Антонова)

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

В нашем столетии ни один религиозный философ не привлекал к себе такого общего внимания как о.Пьер Тейяр де Шарден (1881-1955). С его именем на Западе связано особое религиозно-философское направление - тейярдизм, к которому прежде всего примикает либерально-настроенная католическая интеллигенция, выступающая за церковное "аджорнаменто" (обновление). Даже в СССР, где само слово "богословие" почти равнозначно "обскурантизму", государственное издательство внезапно выпустило "Феномен человека" - одно из основных произведений члена Общества Иисуса, предусмотрительно, правда, поставив ограничительную помету: "Для научных библиотек" и бесцеремонно опустив заключительную главу "Феномен христианства". Чем же был вызван "феномен Тейяра", влияние которого, пусть и слабее, все еще ощущается в разных интеллектуальных сферах? Ответ прост: духовными потребностями нашего времени.

Многие христиане и богословы, некритически сперва отнесясь к грандиозным, но порой своеевольным и туманным построениям Тейяра, увидели в его книгах долгожданный и желанный синтез научного и религиозного мировоззрений, разрыв между которыми переживался на Западе - в силу распространенных рационалистических предрасудков - особенно болезненно в эпоху секуляризации массового сознания, объясняемой также якобы подрывающим веру научно-техническим прогрессом. Эти люди решили, что наконец-то настало время гармонично соединить естественные представления о мире и главные христианские догматы, гуманистическую христианскую антропологию, социальную мораль и традиционные ценности веры.

Не разобравшись как следует во всех тонкостях мировоззрения Тейяра, западные материалисты тоже поначалу с восторгом встретили его книги, которые к тому же своей мистической окраской и эмоционально-поэтическим языком выгодно отличались от академического богословия, что много способствовало их успеху у широкой публики. Гароди поспешил объявить взгляды отца-иезуита "материалистической диалектикой в мистическом виде", а Христа в его трактовке - "стимулятором гоминизации"! Цель развития материи Тейяр якобы видел в создании мыслящего духа, который в свой черед приведет к точке Омега - стадии сверхчеловека в ее самом оптимистическом и коллективистском виде. Ухватившись за ошибочный или слишком свободный под-

ход философа к некоторым христианским догматам и истинам, материалисты возмечтали, что нашли удобный способ изнутри подорвать религиозное сознание, забывая об обратном воздействии верных идей на своих сторонников.

В какой степени сложные и неоднозначные построения Тейяра питали надежды обеих сторон, можно видеть на примере важнейшей у него проблемы эволюции. Широко пользуясь этим термином, сам ученый никогда не считал себя эволюционистом в духе Дарвина или Ламарка, предпочитая говорить о "трансформизме", изъясняя его в смысле "просто согласиться, что появление живых существ на Земле подчиняется фиксируемому закону, никаким бы он ни был". Он несводил развитие жизни к имманентно-природному действию, но весьма своеобразно - в силу присущего ему богомыслия, а не строгого богословия - толковал сам акт творения и его стадии.

Для него "творить - значит сгущать, организовывать, объединять", хотя при подобном подходе к творению как лишь всесоединяющему процессу сильно умаляется творческая свобода Бога - истинного Творца всего нового и существенно искажается соответствующая библейская схема. Тейяр также довольно справедливо упрекает в скрытом "метафизическом монизме", включавшем отрижение сотворения мира из "ничего". Несмотря на утверждение философа: "До начала мира Бог был один", органичнее для него звучит противоположное: "акт объединения не может произойти без предшествующего субстрата", на что хочется возвратить произнесенные еще в древности словами Феофила Антиохийского: "Но могущество Бога в том усматривается, что Он произвел из ничего все, что только восхотел". Правда, сам Тейяр признавал, что его теория "творческого соединения" нуждается в "поправках... в пункте начального творения", но до конца жизни он так и не внес этих важных поправок.

Думается, этому могли помешать его определенные рационалистические предубеждения, главное из которых касалось взаимодействия трансцендентного и имманентного, когда вторжение первого в последнее, т.е. чудо, обусловливалось естественными рамками. Как христианин Тейяр, конечно, не мог отвергать чудо, но, расплывчато определяя его как "образное выражение невыразимого", переносил в настоящей химии в сферу очевидного "общего триумфа" веры во Христа. Отец-иезуит пошел даже дальше, высказав примечательное мнение, под которым охотно подпишется и материалист: "Я лично готов допустить чудо, лишь бы оно не противоречило (так учит и Церковь)

все более многочисленным и точным законам, которые мы обнаруживаем в естественной эволюции мира". В этом фактически дисторском, снабженном не совсем верной ссылкой на авторитет Церкви отрицании всемогущества Божьего, следует, вероятно, искать одну из основных причин других вероучительных отклонений философа, которые привели в целом к весьма сдержанному отношению Ватикана к его доктрине.

Если с позиций Церкви Тейлор весьма вольно понимал творение, то более приемлемо – хотя и тут иногда нужны существенные оговорки – он изобразил последующее развитие мира, исходя при этом главным образом из "веры в Мир, веры в существование и бессмертие Духа, возникающего в синтезе Мира". Разбирая вопрос о возникновении жизни, мыслитель выводит, подобно св. Фоме Аквинскому, одушевление из неодушевленного и защищает тезис об изначальности всех качественных определений, которые на определенном этапе лишь проявляются, и тезис об исконней спиритуальности, по которому во всякой физической энергии заключена и духовная сила, направляющая развитие материи. Космогенез охватывает все формы существования материи, не зная границ между живым и неживым, материальным и духовным, смертным и бессмертным.

Согласно Тейлору, вселенная развивается до двум векторам: "иад" и "сверх", соединяющимся в точке Омега, где пройдет окончательная встреча со Христом высшего сознания материи, ее переход в духовную область и полное обожение, когда "да будет Бог все во всем" (I Кор. 15,28). "Уже в данный момент" эта таинственная точка "существует и действует", притягивая к себе, но не растворяя, и направляя как "сознательный центр Мира" всё и все. "Подобным движением Бог приготовляет Свое Царство и спасение" – также смысл наблюдаемого космогенеза. Не смениваясь, Бог постоянно Своей благодатью присутствует в рождении, росте и окончательном завершении всего сущего и Своим промыслом ведет мир к завершению.

Тейлор однако не только ставит это завершение в зависимость от созревания земной ноосфера, но весьма своеобразно рисует запредельное состояние: "настает некое критичное изменение, за коим в будущем уже ничего не видно", как бы забывая о конкретности обетованного тысячелетнего Царства Христова. В этом контексте неудивительно слышать ^{еще одно} его мнение, которое мог бы повторить древ-

ний стек и современный буддист: "Проблема личного продолжения жизни мало меня волнует... для моего счастья достаточно, если все лучшее во мне навсегда перейдет в Нечто более великое и прекрасное, чем я", но которое откровенно противоречит христианскому учению о загробном существовании.

Будучи непоколебимым оптимистом, Тейяр также несколько упрощал сам ход эволюции и как бы сознательно игнорировал, что в мире "одно бывает по попущению Бога, а другое - при Его содействии" (св.Иоанн Златоуст) и соответственно: "По благонравлению бывает все то, что беспрекословно добро; по ^{не}пущению же - противное..." (св.Иоанн Дамаскин). Когда же, скрепя сердце, он касается существования зла в мире, то, следуя своей теории "творческого соединения" должен объяснить его не "попущением", а органичным и изначальным свойством "структурь разделиенного бытия", отчего и первородный грех, конкретное событие, обьявляется соизвечным "с самых ранних форм и до отдаленнейших туманностей" и поэтому его искупление приобретает иной характер и ценность. Соответственно нас Бог не может сейчас исцелить от греха, потому что мы еще не готовы к этому на той стадии, на которой находится Мир, особенно с точки зрения его устроения и просвещения".

Космогенезу соизначально сопутствует христогенез, ибо в Боговоплощении (в понимании Тейяра) трансцендентный Бог "прививается" к универсуму. При творении создается не одна материальная природа, но в нее входит Божество Христа; начинают действовать не только физические законы, но и благодать, которая собирает и очищает силы материи в стволе или фокусе бытия, который есть Христос. В связи с этим искупление изображается в основном как процесс всесоединяющий и восходящий эволюции, процесс роста Тела Христа, дело все усиливающейся гоминизации, т.е. направление всех сил и устремлений в дусло совершенствования, точке Омега - "Вершина Мира". Эволюция (часто с большой буквы), хотя и "во Христе", у Тейяра, даже вопреки его желанию, абсолютизирована и невольно воспринимается как нечто самодавленное: Боговоплощение оказывается "чудесной биологической операцией", а искупление - направляющим действием для духовно-материального роста Космоса. Разумеется, верующий не может согласиться с такими рискованными суждениями, даже если они сделаны с благой целью подчеркнуть в Спасителе "синтез тварного мира и Его творца".

Взаимосвязь между христогенезом и космогенезом мыслится Тейдом весьма категорично и каффально (что, впрочем, он отрицал). "Эволюция, отыгывая Вершину Мира, делает Христа возможным точно так же, как Христос, наделяя смыслом Мир, делает возможным эволюцию". Такой подход к эволюции ведет и к практическому выводу, что "еволюционизм и христианство нуждаются друг в друге для взаимной поддержки и завершения", хотя, опиравшись на Откровение, христианство великолепно обходилось во всех предшествующие времена без такой поддержки. Не мудрено, что, утверждая подобную своеобразную взаимозависимость, Тейдр часто "чувствует себя на месте в храме, возведенном в честь Земли" и, наподобие материалистов, упрекает христианство в "отсутствии чувства Земли", хотя он никогда не испытывал тяги к пантегизму, в чем его нередко укоряют, неверно tolkuiя его весьма индивидуальную, опытно и словесно, мистику.

Чтобы глубже понять два публикуемых ранее произведения Тейдра, где, несмотря на скатость, уже изложены эскизы и образы некоторых его главных идей, необходимо дополнительно объяснить, как он относился к Евхаристии. Для него Евхаристия была "осьмь Бого воплощения", продолжением воплощенного Слова и обетованием всеобщего преображения. Когда во время I Мировой войны и длительных экспедиций в Китае Тейдр-священник не мог служить уставную мессу, он, будучи не в силах долго оставаться без "животворящих таинств", практиковал, в соединении с горячей молитвой, своеобразную "мессу в духе" и "духовное причастие", рекомендуя его мириям в соответствующих случаях.

Для него, как и для некоторых христианских мистиков, необходимой основой духа была Гостия, откуда, как из огненного горнила, "исходит и распространяется пламя". Ее всеопалиющее пламя и всепроникающий свет очищает не только человека, но и всю вселенную, одновременно их притягивая в неодолимом всеохватывающем движении к своему центру - Христу. С характерным для него космическим и синтетическим восприятием Тейдр подчеркивает в Евхаристии: "выражение и проявление Божьей объединяющей силы, которая прилагается в отдельности к каждой духовной монаде Вселенной", т.е. действенно скрепляет, не уничтожая и нивелируя, все индивидуальности. Личное причастие не является поэтому единичным и изолированным действием, а входит в цепь непрерывного и единого процесса об-

жения нашего мира и является неотъемлемой частью христогенеза - "души космогенеза". По мысли Тейяра, христианин, соединяясь в этом таинстве со Христом, одновременно "прикасается к самому сердцу Эволюции". Через Евхаристию происходит, следовательно, рост мистического Тела Христова и "преосуществление" самой Вселенной.

Следует постоянно помнить, что разносторонние идеи и построения о.Тейяра не имеют характера систематической доктрины и больше похожи на догматическое творчество, чем на строгое богословие в рамках учения католической Церкви, поэтому из-за своих отклонений и ошибочных суждений они никогда не смогут целиком войти в него, но действовали и будут действовать стимулирующе на правоверную богословскую мысль, помогая ее обновлению и совершенствованию. Точно также и убежденный христианин может, отвергая безоговорочно своеевые и неверные взгляды, через труды этого преданного Христу мыслителя сильнее заинтересоваться - в качестве полезной альтернативы - сопроводителями христианского богословия и вероучительным опытом Церкви, чтобы постичь их неизменную истинность и необычайное многообразие. В наших условиях наиболее полезно читать о.Тейяра так называемым "анонимным" христианам и духовно ищущим интеллигентам, которые, не вдаваясь в богословские рассуждения, могут через него открыть для себя Христа в Его величии, любви и славе, в Его неразрывной связи с миром и его развитием, с тем чтобы решиться наконец-то встать на трудный и спасительный путь, ведущий к этому "источнику жизни вечной".

ХРИСТОС В МАТЕРИИ

(Три рассказа в подражание Бенсону)

Мертв мой друг, который жизнь пил как священный источник. Сердце его горело в ней. Его тело исчезло в земле под Верденом. Теперь я могу поведать о его словах, из которых узнал однажды вечером с ярким видением, что осветило и умиротворило его жизнь.

"Хотите знать, — сказал он мне, — каким образом многообразное мироздание приняло для меня образ Христа? Процесс этот был медленным и состоял из таких неожиданных прозрений, которые трудно выразить словами. Все же я попытаясь рассказать Вам об отдельных переживаниях, которые потом наполнили мою душу таким светом, как будто спала вкесанно пелена..."

Картина

"В то время, — начал мой друг, — мой ум занимала одна полу-философская, полу-эстетическая проблема. Я размышлял, каким бы был облик Христа, если бы Он во плоти предстал предо мной? Во что Он бы был облачен? Как осязаемым образом вошел бы в Материю и выделился бы среди окружающих объектов? И какая-то печаль и негодование охватили меня при мысли, что в этом Мире Тело Христово оказалось бы рядом с множеством низших тел, которые даже не почувствовали бы и не заметили по каким-то явным переменам о прикоснувшейся к ним Силе.

Мой взор машинально остановился на картине с изображением Христа, отдававшего людям свое сердце. Она висела на стене церкви, куда я зашел помолиться. Продолжая раздумывать, я не мог представить, как святую Богочеловечность Христа художник мог изобразить без чересчур четких контуров в Его Теле, которые как бы отделяли Его от остальных людей, и без подчеркнутой индивидуальности в Его лице, который, будь даже красивым, отличался бы чем-то таким, что возвраняло бы любую иную красоту...

Видение началось, когда, глядя на картину, я с любопытством размышлял над этими предметами.

(Откровенно говоря, я не могу с точностью определить, в какой момент оно появилось, ибо оно уже было довольно ярким, когда я его осознал...)

Сколько взором по изображению, я видел заметил, что его очертания такти, но таяли как-то по-особенному, трудно передаваемо. Когда я хотел разглядеть черты Личности Христа, они казались мне весьма определенными. Но едва я отдавался видению, как бахрома, складки на одежде Христа, сияние Его волос, цвет Его тела начинали - если можно так выражаться - сливаться (не растворяясь) с окружением...

Казалось, будто грань, отделявшая Христа от окружающего Мира, становилась текучим слоем с зыбкими границами.

Мне чудилось, что превращение сперва коснулось одного места на краю картины, откуда стало перемещаться по контуру. Так я мог, по крайней мере, за этим проследить. С этого момента изменение быстро распространилось и охватило все.

Кроме того, я заметил, что трепетная, окружающая Христа атмосфера не ограничивалась тонким слоем около Него, а уходила в бесконечность. В ней время от времени пробегали как бы фосфоресцирующие линии, которые свидетельствовали о непрерывном пульсировании, доходящем до последних пределов Материи, и были неким подобием кровеносной или нервной системы, пронизывающей всю Жизнь.

Вся Вселенная вибрировала! Если же, однако, я пытался разглядеть каждый предмет в отдельности, то он открывался моему взору весьма четко, со всеми характерными особенностями.

Это движение, казалось, идет от Христа, в основном - от Его Сердца. Стараясь обнаружить источник такой эманации и постигнуть ее ритм, я, взглянув опять на лицо Христа, увидел, что видение быстро устремляется к своей наивысшей точке.

...Забыл, как вижу, сказать об одеянии Христа. Оно сияло так, как Вы можете прочесть в описании Преображения. Меня, однако, больше всего поразило то, что оно было соткано не руками, ибо ведь нельзя считать руками Природы руки Ангелов. Ее основу составляли не груботанные нити... То была материя, ее лучшая часть, которая, как чудное полотно, сама собой, непроизвольно выткалась до самых своих недр. Мне казалось, что я вижу, как непрерывно бегут петли, гармонично складываясь в естественный узор, который их пересекал до конца.

Вы, наверное, понимаете, что я лишь мельком взглянул на эту ризу, столь чудно сотканную в бесконечном общем труде всех энергий и строя материи, ибо все мое внимание было устремлено и приковано к преображеному Лику Владыки.

Ночью можно часто наблюдать, как меняется свечение некоторых звезд: они похожи то на яркокрасный бисер, то на бархатисто-фиолетовые звездочки. Вы видели такие, как переливаются цвета на прозрачном мыльном пузыре...

Так вот, на неподвижном лице Христа переливались непрерывными переходами всевозможнейшие красивейшие тона. Нельзя было определить, были ли в том повинны мои желания или воля Того, Ито их направлял и ведал. Несомненно одно — бесконечные оттенки величия, нежности, неодолимого обаяния сменились одним за другим, изменялись, сливались столь гармонично, что я был полностью поглощен...

За этой изменчивой поверхностью, поддерживая и соединяя ее в высшем синтезе, все время неслись парила красота Христа. Я скорее предугадывал, чем воспринимал эту Красоту, потому что всякий раз, едва я пытался проникнуть сквозь покров скрывавших ее низших видов красоты, как появлялись иные, отдельные и частичные виды красоты, которые затмевали Истинную, заставляя ее предвидеть и жаждать.

Так, повинуясь этому закону, сиял весь лик, но центр этого сияния и блеска был скрыт в очах преобразившегося портрета...

В великолепной глубине этих очей радужными оттенками пребегал отсвет (если то не была творческая форма, Идея) всего пленительного и живого... Ослепительная красота их сияния, когда я пытался совладать с ней, распадалась на бесконечную сложность, где сливались все взоры, которые когда-либо согревали и касались человеческого сердца. Эти очи, например, сперва такие нежные и ласковые, что мне щутилось, будто я вижу свою мать, мгновение спустя сделались страстными и повелительными, как у женщины, и одновременно столь властно-чистыми, что под их действием чувство физически не могло отклониться. Эти очи были, кроме того, полны

огромного и могучего величия, как это бывает в глазах очень смелого, чистого или сильного человека, хотя было сию многое испытание.

Сияние красоты было таким всеобщим, захватывающим и таким мгновенным, что все мое существо, сразу пораженное и убежденное в своих потенциях, содрогалось до самой глубины от какой-то полноты и волнистину невиданного счастья.

Я еще страстно взглядался в зеницы Христа, превратившиеся в пучину пленительно-кгучей жизни, как вдруг со дня очей поднялось нечто вроде тучи, которая закрыла и окутала все описание многообразие. По разным оттенкам Божьего взора мало-помалу разливалось необычное и резкое выражение, которое их сперва окрасило, а затем поглотило...

Меня охватило замешательство.

Я не мог разгадать, что значило это последнее выражение, которое над всем господствовало и все подтыкало. Я не мог сказать, было ли в нем невыразимое страдание или избыток победной радости! Знаю одно: снова подобное выражение я как будто увидел во взоре умиравшего солдата.

Вдруг мои глаза заволоклись слезами, а когда я снять посмотрел на изображение Христа в церкви, то его очертания были уже четкими, а черты - неподвижными".

К о в ч е г

Лончив рассказ, мой друг помолчал в задумчивости некоторое время, обхватив руками колени, как любил всегда делать. Начинало смериаться. Я нажал выключатель, и в очень изящной лампе, которая освещала мой кабинет, вспыхнул свет. Туловище и абажур лампы были сделаны из прозрачного стекла зеленого цвета, а лампочки были расположены столь искусно, что изнутри целиком освещали стекло и изображения на нем.

Мой друг вздрогнул. Я заметил, что он пристально глядел на лампу, что-то при этом вспомнил, а затем снова вернулся к рассказу.

"Однажды, сняв в церкви, только я преклонил колени перед Святыми Дарами в ковчеге на алтаре, как меня охватило довольно странное чувство.

Вам, вероятно, известна оптическая иллюзия, когда светлое пятно выглядит на темном фоне как бы больше и шире. Нечто подобное я почувствовал, взирая на Гостин, которая на фоне темного хора выделялась своей белой формой даже в освещенном алтаре (говоря это для зачина, ибо, как Вы поймете, путем физической аналогии нельзя передать характер явления).

Когда я пристально смотрел на гостин, у меня возникло впечатление, что ее поверхность расплывалась, как масляное пятно, но, конечно, много быстрее и ярче. Сперва я думал, что один заметил это изменение, и мне казалось, будто процесс шел, не вызывая интереса и не встречая сопротивления.

Однако мало-помалу, по мере расширения белого пространства и приближения ко мне, я услышал глухой шум и безостановочный гул, как бывает, когда серебристый вал прилива устремляется на скопление водорослей, которые при его подходе расстилаются и шелестят, или когда трещит вереск, охваченный в ландах пожаром...

И вот, как глубокий ведок, напоминавший предостережение или жалобу, белый поток охватил меня, пролетел и все заполонил. Погрузившись в него, все предметы не теряли своего вида, собственного движения, потому что безизна, ничего не размывая и не нарушая никакой природы, внедрялась глубже и сильнее жизни. Молочная прозрачность как бы освещала Мироздание изнутри. Все, казалось, было сделано из одной просвечивающей плоти.

...Вот почему, когда Вы зажгли лампу и из темной она стала яркой и светящейся, я вспомнил о представлении тогда предо мной Мире. Эта образная ассоциация навела меня на мысль поведать о том, что Вы сейчас слышите.

Итак, из-за таинственного расширения гостин Мир раскалился и в целом стал напоминать одну большую Гостин. Под действием внутреннего, пронизывающего света ее волокна натянулись, казалось, до разрыва, ее энергии предельно возросли. Я уж думал, что в экспансии сил Космос достиг своей полноты, но заметил, что в нем свершилась важная работа.

На внутренней стороне объектов время от времени появлялись блестящие капли чистого металла, которые падали в горнило сильного света, где исчезали, причем одновременно испарялось немногого плака. Изменения в зоне любви продолжались, усиливая, очищая и поглощая все силы любви во Вселенной.

Я мог в этом убедиться, поскольку, как и везде, во мне тоже действовала эта сила: белый свет был активным! Он изнутри наполнял все предметы! Матеральным путем он доходил до глубины сердца, расширял их до разрыва, чтобы вобрать главное во влечениях и страстиах. Овладев, он вел их теперь к своему центру и покровам, наполненным сладчайшей любовью.

Действительно, огромная Гостия, все оживотворив и очистив, начала медленно скиматься, и обретенные в ней сокровища постепенно стали уплотняться в ее живом свете.

...Логда отхлынет волна, угаснет пламя, блестящие луны или огневые пятна указывают на место, где когда-то было море или пожар. И здесь, по мере того как Гостия снова смыкалась, как закрывала чашечку цветок, отдельные непокорные элементы Мира оставались вне ее, во внешнем мраке. Хотя их еще что-то освещало, то был искаженный, едкий и ядовитый свет. Эти упрямые части пылали факелами или тлели кострами.

Я услышал пение "Ave Verum".

...Белая гостия неподвижно покоялась в золотом ковчеже. Около нее, пронзая темноту, горели свечи, и лампы бросали в разных местах пурпурные отсветы".

Д а р о х р а н и т е л ь н и ц а

При речи моего друга мое сердце пылало, а дух воспарял от высшего взгляда на вещи. Я смутно подозревал, что большинство изменений, которыми по нашему мнению разделен мир, в действительности есть исполнение одной великой тайны, и от этого увиденного света, не знаю почему, душа моя сотрясилась до самого основания.

Привыкнув чересчур все же разделять замыслы и категории, я растерялся от этого необычного для моего непосвященного ума зрелища Космоса, где столь тесно были соединены Божье, Дух и Материя.

Видя мое нетерпеливое ожидание, друг продолжал: "...Последняя история, о которой я поведаю, посвящена одному из недавних моих переживаний. Как Вы увидите, на сей раз это будет не видение, а некое общее впечатление, которое меня полностью заполнило и до сих пор не отпускает. Итак...

В то время наш полк занимал позиции на Авокурской возвышенности. Немцы еще штурмовали Верден, и на этом берегу Мааса атаки не прекращались. Как многие капелланы, во время боевых действий я носил с собой святые тайны в маленькой дарохранительнице в форме карманных часов.

Однажды утром, когда в окопах царило почти полное затишье и я сидел в землянке, мои размышления естественным образом обратились в виде медитации к сокровищу на груди, которое отделяла от нее тонкая серебряная оболочка. Уже не раз я услаждался и вкушал это Божье Присутствие.

На сей раз у меня возникло неведомое ощущение, которое вскоре наполнило все мое стремление к сосредоточенности и благоговению. Внезапно я представил себе, сколь необычно и обманчиво носить при себе Сокровище Мира и Источник Жизни, будучи не в состоянии обладать им внутренне, войти в него или впитать. Отчего Христос был одновременно так близко и так далеко от моего сердца, так слит с моим телом и столь удален от моей души?

У меня появилось чувство, будто невидимая и непреодолимая преграда отделяла меня от Того, к Кому нельзя было прикоснуться крепче, поскольку я держал Его в руках... Я был рассеянен, что держу свое Блаженство в запечатанной чаше. Я походил на пчелу, кужающую около полного меда, но тщательно закрытого сосуда. Нервно прижимал я к себе дарохранительницу, стараясь таким инициативным движением заставить Христа глубже войти в меня.

Наконец, я не выдержал - да к тому же настало время, когда обычно в часы затишья я служил мессу - открыл дарохранительницу и причастился.

...Мне, однако, показалось, что вкушенный хлеб не только не сделался во мне плотью моей плоти, но оставался вне меня...

Я призвал тогда на помощь всю свою силу сосредоточенности. На Божественной частице я сконцентрировался со все возраставшим безмолвием и любовью своих способностей. Я стал бесконечно кротким и послушным как дитя, чтобы никак не испортить малейшим желаниям небесного Гостя, ничем не отличаться от Него, дабы своими членами послушно делать одно угодное Его душе. Я неустанно очищал свое сердце с тем, чтобы мое нутро стало доступнее обитанию во мне Свету.

Тщетные и благие усилия!

Гостию по-прежнему находилась вдали от меня, много дальше по сосредоточенности и уясению желаний, дальше - по доступности Божьему воздействию; дальше - по чистоте чувств... Умалля и не-престанно очищая свое существо, я беспрерывно приближался к Ней, как камень, который падает, но никогда не может упасть из друго бездны. Как невелика была Гостию, я тонул в Ней, но не мог Ее схватить и слиться. Ее центр увлекался, увлекая меня за собой!

Поскольку нельзя было исчерпать Гостию в глубину, я думал, что смогу по крайней мере обхватить ее по поверхности. Разве не была она цельной и очень небольшой? Я попытался снаружи слиться с Ней и в точности совпасть со всеми ее очертаниями...

Мои надежды рухнули, потому что к тут меня ждала новая бесконечность.

Когда я в своей любви стремился обять Святую Частицу столь ревностно, что прилеплялся к Ней так, дабы ни пяди не утратить при этом драгоценном соприкосновении, Она под этим усилием стала делиться и бесконечно усложняться. Я полагал, что обнял Ее, но на деле держал не Ее, а одно из тысяч творений, из коих составлена наша жизнь: страдание, радость, труд, братва, который нуждается в любви или утешении...

Таким образом, в глубине моего сердца поверхность Гостию из-за чудного замещения ускользала, оставляя меня наедине со Вседеминой, которая была образована из Нее самой и взята из Ее Вида...

Умолчу о восторженном впечатлении, которое оставило во мне это откровение Мироздания, поставленного как великолепная жертва между Христом и мной.

Относительно же особого чувства "внешнего" в видении сказу одно: я понял тогда, что за невидимая стена стояла между мной и даром сицией. От Гости, которую я держал в руках, я был отделен размером и протяженностью лет, что осталось мне прожить и почтать Бога".

Тут мой друг несколько помедлил, а потом добавил: "Не знал отчего, с недавнего времени, когда я держу Гостю, у меня возникает ощущение, что я отделен от Нее только что появившейся пленкой...".

"У меня всегда была, - продолжал он, - "пантеистическая" по своей природе душа. Немножко обуревали неукротимые естественные порывы, которыми нельзя было пользоваться беспрепятственно, так как я не мог их примириить со своей верой. После описанных разных (да и остальных виноват) переживаний могу заявить, что обрел в своей жизни нерушимый покой и неославный интерес.

И живу внутри одного Начала, Средоточия и Части всего, — внутри личной Любви и космической силы.

Для достижения и слияния с Ним у меня есть вся Вселенная с ее благородной борьбой, страстными поисками, бесчисленными душами, которым необходимо совершенствование и исцеление. Я могу и обязан предаться до изнураения человеческому труду. Чем сильнее я буду в нем участвовать, воздействовать на поверхность Сущего, тем ближе буду к Христу и полнее к Нему целились.

Можно сказать, что созидающий Бог — везде, в созидании для нас.

Бог есть также Сердце всего. Пусть погибнет пыльный убор мира, завянет или его унесет от меня смерть, радость моя при этом не умалится. Когда распадется прах, в который поле энергии и славы вдыхало жизнь, субстанциональная Реальность не изменится и совершенство будет в ней непрерывно продолжаться и пребывать неизменно. Лучи вновь вернутся к своему Источнику, и там я удержу их полностью.

Вот почему меня не страшит война. Через несколько дней нас пошлют отбивать Дуомон, что будет грандиозным и почти фантастическим делом, отмечющим и символизирующим окончательное продвижение Мира к Избавлению душ. Так я думаю. На это дело я пойду как верующий и со всей душой, влекомый могучим порывом, в искомом мне трудно различить, где кончается страсть и начинается поклонение.

...И если мне суждено не вернуться, я хотел бы, чтобы мое тело смешалось с землей в укреплениях форта, как живой цемент, который Бог кладет между камнями Нового Града".

Так октябрьским вечером говорил мой горячо любимый друг, чья душа бессознательно приобщалась к единой Жизни Сущего и чье тело, как он и хотел, ныне покончется в простой земле, где-то под Тилемоном.

Написано перед битвой за Дуомон
Нан-ле-Гран, 14 октября, 1916 г.

МЕСА НАД МИРОМ

Жертва предложений

Поскольку сиова, Господи, но уже в азиатских степях, а не в лесах Эни, у меня нет ни хлеба, ни вина, ни алтаря, я поднимусь над этими символами к чистому величию Сущего, и, как Твой служитель, возложу труды и тяготы Мира на алтарь всей Земли.

На востоке солнце чуть созрило краснок неба. От подвижной огненной пелены вновь пробуждается, колышется и приступает к своему тяжкому труду живая оболочка Земли. На свой дискос я положу, Боже, ожидаемый урожай от этого нового усилия. Чашу я наполню соком всех плодов, которые попадут сегодня в точило.

Моя чаша и дискос – это недра души, широко открытой всем силам, которые во всех уголках земного шара через миг воспринут и устремятся к Духу. Пусть дойдут до меня память и мистическое присутствие пробуждаемых светом к новому дню!

Господи, я вижу и люблю всякого, кого Ты даровал в моей жизни на подмогу и радость. По одному считаю я членов этой особой и столь дорогой семьи, которая постепенно собралась около меня из самых разных частей в силу сходства душ, научных поисков и идей. Всех без исключения, но не столь ясно, вспоминаю я также в мыслях тех, кто входит в безымянную рать из бесчисленного числа живых; кто окружает и незримо мне помогает, приближается или удаляется, и прежде всего – тех, кто в конторах, лабораториях и на заводах, искренне или ошибаясь, верит в прогресс Сотворенного и иные охотно пойдет за светом.

Я хочу, чтобы все мое существо отозвалось сегодня на глухой гул большинства, чья огромность пугает нас, – этого людского Океана, медленные и однобразные волны которого повергают в смятение самые ведущие сердца. Вот содержание моей, одной Тебе угодной, жертвы: все, что в сей день будет возрастать, умаляться и погибнет в Мире, я постараюсь в себе собрать, чтобы предложить Тебе.

Некогда в Твой храм приносили первинки урожая и приводили отборных животных. Для утоления голода иажды Ты, действительно, каждый день ожидаешь и нуждаешься в жертве, которая есть рост Мира в результате становления мироздания.

Прими, Господи, сию всеобщую Жертву, которую на новой заре приносит устремленное к Тебе Творение. Я знаю, что сам по себе этот хлеб - всего лишь гигантская смесь, а вино - наши скорби, является, увы, только питьем-растворителем. И все же я верю, ибо чувствую, что в эту аморфную массу Ты вложил неодолимое и освящающее устремление, от которого все - нечестивые и верующие - вопиют: "Соедини нас, Господи, воедино!"

Поскольку я вместо духовного рвения и высшей чистоты Твоих святых Ты, Боже, даровал мне необоримое сочувствие ко всему движущемуся в непросветленной материи, и поскольку волей-неволей я чувствую себя больше сыном Земли, чем сыном Неба, то с бременем надежд и скорбей своей матери я в это утро мысленно взойду на высоты и по праву священства, которое, как я верю, Ты один дал мне, призону Огонь на все, что в лучах восходящего солнца готово появиться или погибнуть во Плоти человека.

Огонь над Миром

■ В нас укоренилась упорная иллюзия, что Огонь - основа бытия - идет из темных недр и его пламя постепенно разгорается вслед за сверкающей волной Истины. Ты, Господи, соблаговолил вразумить меня, сколь неправильно такое понимание, и что, дабы узреть Тебя, следует думать наоборот. В начале была разумная, любящая и деятельная сила. В начале было Слово, которое могло вполне царить над появившейся Матерью и месить ее как тесто. В начале был Огонь и не было хлада и мрака. Такова Истина.

Таким образом, свет не появляется постепенно из ночи, а наш мрак терпеливо и неуклонно освещается изначальным светом. Сами по себе мы, твари, есть Тьма и Пустота, а Ты, Боже, - сама основа и незыблемость вечного Мира вне времени и пространства, куда медленно погружается и где завершается наша Вселенная, утрачивая свои границы, отчего она нам и кажется столь огромной. Все есть бытие, везде - только бытие, исключая раздробленность тварей и их соларничество.

Горящий Дух, зиждительный и личный Огонь, конкретная Цель многократно более прекрасного и желанного единства, чем пагубное слияние, которое выдумал всякий там пантеизм, соблаговолите имене

опять сойти на нежную пленку новой материи, в которую облачится Мир, и наделите его душой.

Я знаю, что мы не можем ни указывать, ни предвидеть Твое малейшее действие. От Тебя - все побуждения, начиная с моего пробуждения к молитве.

Ты - сияющее Слово и пламенная Сила, Ты соиздаешь многообразие, дабы вдохнуть в него Свою жизнь, и я молю Тебя, возложи на нас Свои могучие, свои заботливые и Свои вседесущие дланы, которые не прикасаются (как рука человека) то к одному, то к другому месту, а сразу объемлют, совокупно с глубиной и с настоящей и прошлой универсальностью Сущего, через значительнейшее и сокровеннейшее в нас и вокруг нас.

Для грандиозного, задуманного Тобой дела приготовь этими неукротимыми дланями, посредством наибольшей адаптации, земное, собранное в моем сердце усилие и тотальность, которые сейчас я приношу Тебе. Преобрази, исправь и переделай с самого начала это усилие, ведь Тебе ведомо, отчего иначе, как на древе бесконечной эволюции, не может родиться тварь.

Ионими устами произнеси над ними ныне те действенные слова, без коих все расстраивается и распадается в нашем уме и делах, и с коими в наших размышлениях и действиях во Вселенной все соединяется и скрепляется. Повтори: "Сие есть Тело Мое!" над всей жизнью, которая сегодня зародится, вырастет, расцветет и созреет. И повели (тайство веры *rag excellencie*): "Сия есть Кровь Моя!" над смертью, которая готовится подтачивать, иссушать и косить¹⁾.

Огонь в Мире

Свершилось.

Огонь снова вошел в Землю.

¹⁾ Автор не смешивает Пресуществление с вседесущим присутствием Слова, что видно по его высказыванию в "Священнике": "Пресуществление светится от реального, хотя и малозаметного обожения во всей Вселенной". В космическом начале, куда вследствие Бого воплощения Слово вошло и пребывает в евхаристии, Оно "действует ради подчинения и ассимиляции всего остального" (примеч. издателя).

Не с громом, как ослепительная молния, низринулся он на вершины. Разве входя в свой дом, Лозинин взламывает дверь?

Негромко пламя все бесшумно озарило изнутри. Начиная с центра мельчайшего атома и кончая действием самых всеобщих законов, оно естественным образом охватило все начала, стимулы и взаимосвязи нашего Космоса в их отдельности и совокупности, отчего он вспыхнул как бы самопроявлено.

В новом, ныне рождающемся Человечестве Слово бесконечно продолжало акт Своего рождения и, благодаря его вхождению в лоно Мира, великие воды Материи тихо наполнились жизнью. Видимым образом ничто не затрепетало от испытываемого изменения. В соприкосновении с присносущим Словом Вселенная, огромная Гостиля, таинственным и реальным образом стала Телом. Оттепе, Воке, вся материя воплощена Твоим Возложением.

Уже давно наш ум и опыт заметили во Вселенной удивительные свойства, которыми она уподобляется Телу.

Подобно Телу она влечет нас своей прелестью, которая сквозит в тайне ее извиев и в глубине ее очей.

Подобно Телу она распадается и уклоняется от нашего анализа, наших надежд и от своей длительности.

Подобно Телу снять но-настоящему ее можно лишь при бесконечном стремлении к обретению за пределами данного.

С самого рождения все мы, Господи, ощущаем это волнующее сочетание близости и удаленности. В передаваемом поколениями наследии скорби и надежды нет тоски отчаянней, чем тоска, вызывающая у человека слезы досады и желания среди Присутствия, которое разлито во всем его окружении неосозаемо и безымянно: "Si forte atrectent eum."

Благодаря Освящению Мира свет и благоухание, что пребывают во Вселенной, чинят становятся для меня, Господи, ощущаемы и заметны в Тебе. Ты щедро даруешь мне то, о чем догадывался мой неустойчивый ум и в безумном желании требовало сердце: твари связанны друг с другом не только так, что без окружения себе подобных ни одна из них не может существовать, но они столь зависят от одного реального центра, что в конечном счете основательность и единство им приносит подлинная общая жизнь.

Дарованением Твоего Откровения побори, Боже, робость младенческого мышления, которое не видит в мире ничего более значительного и живого кроме жалкого совершенства организма человека! Дети века сего ежедневно опережают учителей Израиля на путях к более дерзкому постижению Мироздания. Ты, Господи Иисусе, "в Кем все сущее обретает свое основание", явись, нахонец, любящим Тебя как высшую Душу и физический Центр Творения. Разве Ты не видишь, что дело касается нашей жизни? Не верь я, что Твое реальное Присутствие животворит, умиротворяет и возгревает малейшую входящую или прикасающуюся ко мне силу, разве, окоченев до мозга костей, не умер бы я от холода?

Благодари Тебя, Боже, за то, что Ты руководил моим взором тысячу разных способов, пока не открылась ему грандиозная простота Сущего! Потихоньку, развивая неустанные способности, что Ты еще в детстве вложил в меня, под влиянием выдающихся друзей, которые в нужный момент оказывались на моем пути для прояснения и укрепления моего духа, под действием страшных и сладких посвящений, через которые Ты провел меня круг за кругом, я пришел к тому, что вне Мира, где все есть Одно, ничего не могу видеть и ничего не могу вдыхать.

В тот миг, когда Твой жизнь с возросшей силой вошла в Дары Мира, я остро почувствовал могучее и тихое упование от видения, в котором присутствовали неисчерпаемая взаимосвязь и гармония.

Перед лицом и внутри Мира, который вобрало в себя Твое Тело и который стал, Боже, Твоим Телом, я не чувствую себя ни сугубым монистом, которыйаждет раствориться в единстве сущего, ни взволнованным язычником, простертый у ног осязаемого божества, ни пассивно отравленным кинистом, который отдался произволу мистических сил.

Я беру в этих разных направлениях часть их энергии, но не поддаюсь соблазнам, ибо благодаря Твоему Присутствию в мире я придерживаясь чудесного синтеза, в котором, корректируя друг друга, сочетаются три наиболее опасные страсти, когда-либо обуревавшие человеческое сердце.

Как монист, я погружалась во всеобщее Единство, но это приемлишее меня Единство - столь совершенное, что, теряя себя, я обратил в нем окончательное завершение своей индивидуальности.

Как язычник, я поклонялся осязаемому Богу. Я прикасаясь к Нему посредством внешней и внутренней стороны Мира Материи, в который включен. Чтобы по своему желанию удерживать Его (просто чтобы и дальше к Нему прикасаться), я все время, однако, должен двигаться вперед, постоянно принимая и отвергая, преодолевая все преграды, ни в чем не давая себе передышки, ежесекундно идя за тварями и ежесекундно их обгоняя.

Как квистиста, меня ласково бахнет Божья фантазия, хотя одновременно я знаю, что только при максимальном усилии Бог откроет мне Свою Волю. Как Иаков, я прикоснусь к Богу в Материи, лишь тогда, когда Он победит меня.

И вот, поскольку предо мной предстала конечная и полная Цель, соответствовавшая моей природе, все силы моего существа непроизвольно заколебались в Одной невероятно насыщенной Ноте, где заметны самые противоположные, свободно соединенные мелодии: страсть к действию и радость страдания, наслаждение от обладания и упоение отречением, гордость от возвышения и счастье растворения в большем, чем ты.

Полный соками Мира, я поднялся к Духу, Который, облачившись в реальное великолепие Мироздания, одаривает меня улыбкой, находясь в стороне от всех достижений. Окунувшись в тайну Божественного Тела, я не могу определить, какое из двух блаженств самое лучезарное: обретение Слова для владычества над Материей или обладание Материей для достижения и подчинения Свету Божьему.

Содей, Господи, так, чтобы Твое нисхождение в качестве Видов Мироздания было для меня не только дорогим и желанным как плод философского рассуждения, но действительно стало реальным Присутствием. Хотим мы или нет, Ты воплощен в Мире в силе и правде и от Тебя зависит наша жизнь. Все же в сущности (и сильно!) нужно, чтобы нам всем Ты равно сделался близок. Хотя все мы выносины в лоне одного Мира, каждый из нас, однако, образует свою маленькую Вселенную, где независимо, интенсивно и в невыразимых оттенках действует Воплощение. Вот почему мы просим в нашей алтарной молитве, да свершится для нас освящение: "Ut nobis Corpus et Sanguis fiat ...". Если я твердо верю, что вокруг меня все

есть Тело и Кровь Слова, то для меня (в некотором смысле для одного меня) происходит чудная "Диафания", которая внутри каждого явления и начала объективно выявляет яркий жар одной жизни. И если, на мою беду, вера покинет меня, то свет разом гаснет, все меркнет и распадается.

Господи, Ты только что сошел в наступивший день. Увы, сколь бесконечно различны степени Твоего присутствия в одних и тех же событиях, которые готовятся и затронут всех нас! В обстоятельствах, в которые попаду я и мои собратья, Ты можешь пребывать в сильной и слабой степени, все больше и больше или вовсе отсутствовать.

Подай мне, Господи, веру, чтобы сегодня никакий яд не отравил меня, никакая смерть не поразила меня, никакое вино не опьянило меня, чтобы во всякой твари я видел и чувствовал Тебя!

Причастие

Огнь сошел внутрь Мира, чтобы в конце концов взять и поглотить меня. Нало уже поэтому, что я созерцаю его и, питая своей верой, неустанно усиливаю вокруг себя его жар, - следует, чтобы после посильной работы в Освящении, заставившей его вспыхнуть, я принял бы Причастие, данное в моем лице пищу, за которой он сейчас пришел.

Боже, я падаю ниц перед Твоим Присутствием в огнедышащем Бироздании, наяду и ожидаю Тебя в образе всего, что мне сегодня встретится, всего, что со мной случится, и всего, что я свершу.

Странно появиться на свет, т.е. обнаружить вдруг, что помимо собственной воли неудержимо несешься в потоке мощной энергии, который как будто хочет секрушить все в него попавшее.

Я хочу, Боже, чтобы, изменив круто силы, которые Ты один творишь, Ты превратил в бесконечную радость преображения в Тебе страх, что охватывает меня по причине безвестных перемен, направленных к обновлению моего существа.

Сперва без колебания я протяну руку за горячим хлебом, который Ты мне предлагаешь. В этом хлебе, в котором Ты заключил семя любого развития, я узнаю начало и тайну моего определенного от Тебя будущего. Я знаю, что взять хлеб - значит отдаться силам, которые меня мучительно отторгнут от самого себя, чтобы ввергнуть в опасности, труд непрестанного обновления мысли и сугубое отречение от привязанностей. Вкусить хлеб - значит, обрести ради самого высшего вкус и свойство, от которых уже невозможны будут согревающие мою жизнь радости! Господи Иисусе, я согласен, чтобы Ты царил во мне и вел непостижимой властью Своего Тела, с которым я буду связан, в уединение, куда один я не смог бы подняться. Здесь, на какой-либо избранной вершине, я инстинктивно, как всякий человек, хотел бы разбить свой шатер. Как все мои собратья, я боюсь слишком таинственного и неведомого будущего, к которому меня гонит время. В беспокойстве я, как и они, спрашиваю себя, куда идет жизнь... Пусть это Причастие хлебом ко Христу, Который облачен в раздвигавшие Мир силы, избавит меня от рабости и беспечности! К Твоему Слову, о Боже, я устремляюсь в вихре борений и сил, что разовьет мои способности к постижению и ощущению Твоего Святого Присутствия. Кто беззаветно любит Иисуса, скрытого в силах, от коих возрастает Земля, того она подымет по-матерински своими огромными руками и даст ему созерцать лицо Божий.

Если бы, Боже, Царство Твое было от Мира сего, то для удержания Тебя мне довольно было бы положиться на силы, от которых мы страдаем и гибнем, так как они растут в нас или увеличивают то, что дороже нас самих. Однако раз Цель, к которой движется Земля, находится не только за пределами отдельного предмета, но и всего сущего, раз труд Мира - это не одно созидание некой высшей Реальности, но и втягивание путем соединения в изначальное Бытие, то Человек для достижения сияющего центра Мироздания не может более жить для себя или посвятить свою жизнь какому-то, пусть даже великому, делу. К Тебе, Господи, Мир может прийти лишь путем своеобразной инверсии, поворота и эксцентрации, которые временно поглотят не только индивидуальный успех, но и видимость всякого превосходства человека. Для окончательного слияния моей сущности с Твоей нужно, чтобы во мне умерла не только монада, но и Мир, т.е. чтобы я прошел через мучительный этап ничем реаль-

ним не заменимого умаления. Поэтому-то Ты и протягиваешь мне чашу, в которой собрана горечь всех отвержений, всех ограничений и всех бесплодных разочарований: "Все испейте из нее".

Как могу я, Господи, отказаться от этой чаши сейчас, когда хлеб, который Ты дал вкусить, в самой глубине моего существа вызвал неутолимое желание прийти к Тебе, минуя жизнь, через смерть. Полного Освящения Мира не произошло бы сегодня, если бы по любви к верующим Ты не послал, вслед за живоносными, смертоносные силы. Мое Причастие было бы неполным (просто оно было бы не христианским), если бы кроме возрастания в сей день для меня и Мира не пришел, в виде непосредственного к Тебе приобщения, явный и тайный труд по одряхлению, старению и смерти, который во спасение или погибель непрестанно подтачивает Мироздание. Господи, я полностью доверяю грозным делам разрушения, благодаря которым - хочу слепо в это верить - Твое Божественное Присутствие заменит сегодня мое ограниченную индивидуальность. Кто всем сердцем возлюбит Иисуса, скрытого в губительных для Земли силах, того она, оскудевая, примет в свои огромные руки, и с ней он пробудится в лоне Божьем.

М о л и т в а

Теперь же, Иисусе, когда под покровом сил Мира Ты реально и физически стал всем для меня, всем вокруг меня, всем во мне, я солью в одно стремление упование тем, что у меня есть, иажду того, чего нет, и повторю за Твоим служителем огненные слова, в которых - непоколебимо верю в это - все яснее вырисовывается христианство будущего.

"Господи, затвори меня в сокровенные недра Твоего Сердца. И когда Ты будешь держать меня там, опали, очисти, согни, доведи меня до того, чтобы я полностью ублажил Твое Сердце и совсем уничтожился".

*"Tu autem, Domini mi, include me in imis visceribus
Cordis tui. Atque ibi me detine, exsode, expurga, accende,
ignifac, sublima, ad purissimum Cordis tui gustum atque
placitum, ad rigam annihilationem meam."*

"Господи". Наконец-то! Благодаря таинству всемирного Освящения и Причастия я обрел кого-то, кого от ^{сего} сердца могу так именовать! Моя любовь была робкой и скованной, пока в Тебе, Иисусе, я умел или смел разглядеть только жившего две тысячи лет назад человека, великого Моралиста, Друга и Брата. Разве нет вокруг нас весьма замечательных, прекрасных и самых близких друзей, братьев и умных людей? Кроме того, разве может Человек целиком посвятить себя одной человеческой природе? Мир, стоящий над любой мировой Стихией, всегда царил в моем сердце и я никогда не склонюсь ни перед чем иным. Даже верун, я долго по тому блуждал и не знал, что люблю. Илья в Своем Воскресении сверхчеловеческое могущество, Ты, Владыка, дашь сегодня мне узреть Тебя во всех земных силах, дабы я признал Тебя своим Царем и с радостью Тебе доверился.

Неисповедимы, о Боже, пути Твоего Духа! Когда два века назад в Твоей Церкви отчетливо обнаружилось влечение к Твоему Сердцу, то сперва могло показаться, что души хотели увидеть в Тебе более определенное и четкое начало, чем Твоя Богочеловечность. И вот, как ныне все вдруг изменилось! Теперь понятно, что Ты, Иисусе, хотел в "откровении" Своего Сердца прежде всего дать нашей любви средство освобождения от слишком узкого, определенного и ограниченного в нашем о Тебе представлении. В Твоей груди я зря лишь пылающее горило и, чем пристальнее вглядываясь в это огненное средоточие, тем сильнее мне кажется, что очертания Твоего Тела тают и вырастают до необыкнных размеров, отчего я не вижу в Тебе ничего кроме образа пылающего Мира.

Христос во славе; сокровенно различное в Материи Влияние и ослепительный Центр, где воедино сплетаются бесчисленные нити Многообразия; неукротимая, как Мир, и жаркая, как Жизнь, Мощь; Твое чело - белоснежно, взор пламенеет, столы блестят ярче расплавленного золота, Твои дланы обнимают звезды; Ты - альфа и омега, живой, мертвый и воскресший; Ты, соединяющий в Своем всецелом единстве все привлекательности, ощущения, силы и состояния; Тебя искало все мое существо в огромном, как Мир, порыве: Ты воистину Господь Мой и Бог Мой!

"Затвори меня в себе, Господи!" О, я верю (столь сильно, что эта вера стала одной из основ моей внутренней жизни), что ирак, находясь совершенно вне Тебя, был бы чистым небытием. На столько ничто, Иисусе, не может существовать вне Твоего Тела, что Твое присутствие поддерживает даже отвергнутых на свою беду от Твоей любви. Все мы неизбежно пребываем в Тебе - всецелом Мире устойчивости и жизни!

Поскольку мы являемся еще не завершенными объектами, которых можно представить сколь угодно близкими или далекими от Тебя, поскольку субъект единства растет в нас параллельно с самим единством, ведущим нас постепенно к Тебе, то услыши, Господи, - ради самого главного во мне - мое стремление к тому, что я смею называть своей душой, хотя с каждым днем понимаю все сильнее, сколь больше она меня; увлеки меня в тайна тайных Твоего Сердца через последовательные сферы Твоей глубокой Субстанции, чтобы утолить моиажду существования!

Чем больше углубляешься в Тебя, тем лучше видишь повсюду Твое воздействие. На основе этого признака я могу в любой миг определить, насколько я приблизился к Тебе. Когда же я увижу, что все окружавшие объекты, сохранив свой аромат и очертания, присутствуют благодаря таинственной душе в одном бесконечно близком и бесконечно далеком начале; когда в сокровенной тишине Божьего храма я все же почувствую, сколь свободно перемещаясь по небосводу всего сотворенного, тогда я пойму, что близок к центру, где Сердце Мира входит в сияние Божьего Сердца.

В этой точке всеобщего горения нашли на меня, Господи, огонь, в котором соединены все внутренние и внешние действия, что были бы нейтральными, двусмысленными или враждебными, находясь они дальше от Тебя, но под действием Силы; "quae possit sibi omnia subiungere", превращающиеся в физических недрах Твоего Сердца в ангелов Твоего победоносного дела.

Ты чудным образом связав Своей любовью привлекательность и убожество, кротость и злобу, обманчивую слабость и страшное могущество тварей, возбуди этим в моем сердце то восторг, то отращение; научи его истинной чистоте, которая губительно не разобщает сущее, а идет через красоту; открои ~~и~~ ему подлинное милосердие, которое не боится причинить зло, а добровольно, могучей ру-

кой распахивает все врата жизни; даруй ему - прежде всего посредством все лучшего прозрения Твоего вездесущия - даруй ему наконец-то, для все большего в Тебя проникновения, благую страсть все время чуть сильнее постигать, созидать и нести Мир.

От сего главного прозрения Твоего единства с Миром зависят, Боже, вся моя радость и мой успех, весь смысл моего бытия и моя любовь к жизни. Пусть другие возвещают о великолепии Твоего чистого Духа, соответственно своему более высокому званию, я же, повинуясь моему сокровеннейшему призванию, не ходу и не могу говорить ни о чем ином, как о бесчисленном продолжении в Материи Твоей воплощенной Сущности! Я смогу проповедовать только тайну Твоего Тела, о Духа, что повсюду видна и окружает!

Чтобы жить и умереть в Твоем Теле, Иисусе, во всем его объеме, я предаю себя ему, т.е. Миру, который стал великолепным и живым горнелом, где все исчезает для нового рождения благодаря Твоему могуществу и моей вере, благодаря возможностям, которые появились у меня от Твоего творческого притяжения, благодаря моим слишком слабым знаниям, религиозным связям, моему священству и (что всего дороже мне) благодаря моей убежденности как человека.

Кустыня Ордос, 1923 год.